

Устарела ли защита эмпиризма?

(к публикации доклада Альфреда Айера
«В защиту эмпиризма»)

В. Н. ПОРУС

Альфред Айер (1910-1989) (его фамилию *Ayer* скорее следовало бы читать как Эйер, но мы сохраняем привычную транскрипцию), профессор Лондонского и Оксфордского университетов, академик Британской академии наук, один из авторитетнейших философов-аналитиков XX века. Его имя, впрочем, никогда не фигурировало в первом ряду оригинальных мыслителей. Обычно о нем говорили как о философе, наиболее ясно и «вызывающе» сформулировавшем позицию логического эмпиризма, в частности, его феноменалистического направления¹, а также выступившем в защиту этой позиции тогда, когда стало ясно, что неопозитивистская программа «чисто эмпирического» обоснования научного знания невыполнима.

Это вызвало волну атаки не только на эту программу, но и на эмпиризм как основание эпистемологии. Но Айер — не эпигон «логических позитивистов», и его собственные разработки концепции верификационизма, эмпирической теории значения, статуса аналитического высказывания, а также общих проблем феноменалистической гносеологии, безусловно, должны быть признаны заметным явлением в аналитической философии прошедшего столетия.

Публикуемый доклад был сделан Айером на XVIII Всемирном философском конгрессе в

¹ Хилл Т. И. Современные теории познания. М., 1965. С. 372.

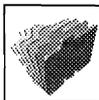

Брайтоне (Англия) за год до своей (согласование) смерти. Это позволяет видеть в докладе философское заведение мыслителя, знавшего период подъема аналитического философствования и дожившего до иных времен, когда критикой логического эмпиризма не занимался только ленивый, когда на авансцену европейской и мировой философской мысли вышли направления, в которых философы-аналитики усматривали иррационализм, безответственную невнятицу, постыдный отказ от таким трудом завоеванных философией прав входить в число рациональных дисциплин, ориентирующихся на науку, математику и логику. Отсюда и тон доклада, содержащего резкие, даже оскорбительные выпады против таких авторитетов европейской и мировой философии, как Хайдеггер и Деррида. Можно понять престарелого мэтра, который не упустил возможности у себя на родине с трибуны всемирного конгресса, не заботясь о «политкорректности», выразить презрение к философии, слишком мало ценившей точность, ясность и однозначность, обращавшейся прежде всего к метафизическому и поэтическому чужью — к тому, что так решительно пытались изгнать из философии неопозитивисты. Впрочем, Айер делал это и раньше, и репутация острого и «вызывающего» защитника эмпиризма и рационального философствования была им вполне заслужена.

Конечно, публикация этого доклада не имела бы смысла, если считать его только свидетельством ста-

рых, уже принадлежащих истории, споров. Но спор между сторонниками и противниками эмпиризма как фундаментальной основы эпистемологии далеко не завершен (и вряд ли когда-нибудь окончательно завершится). Да, кавалерийская атака неопозитивистов на проблему обоснования знания не привела и не могла привести к успеху. Да, им не удалось «сходу» решить проблему рациональной «демаркации» между наукой и метафизикой, то есть соорудить крепость рациональности, способную устоять от любых нападений со стороны иррационализма, мистики и демагогии. Да, ригоризм и «засушенность» их рассуждений (сказать только о нападках на метафизику, составляющую душу всякого философствования!) не мог не вызвать отрицательной реакции, тем более, что их претензии оказались чрезмерными, амбиции — преувеличенными, а действительно выдающиеся результаты применения аналитических методов оказались понятными лишь очень небольшому кругу профессионалов, за линией которого эти результаты вызывали только недоверие и скуку. Да, развитие европейской, да и мировой философии пошло не в ту сторону, в какую указывали сторонники эмпирического обоснования научного знания.

И все же, все же, все же... Ведь проблемы, поднятые неопозитивистами в философии и методологии науки, сохранили свою значимость, а отказ от стратегии рационализма, размытой сначала постпозитивистами, а затем высмеянной и отброшенной постмодернистами, ни к каким положитель-

ным результатам не привел. В современной эпистемологии и философии науки критика преобладает над позитивом; отказавшись от строительства рационалистических фортеций, философы не строят и шалашей, а расходуют интеллектуальную энергию на доказательство бесполезности всякого строительства. Мудрено ли, что в современной культуре растет разочарование в философии, то мазохистски злоупотребляющей самокритикой, то подделывающей под различные формы «полезного практического участия» в политике, экономике и чуть ли не в военном деле. Променившие первоуродство на похлебку не могут рассчитывать на духовное лидерство и даже на уважение, им рано или поздно вежливо (или не очень) укажут их место — на обочине духовно-практического и теоретического движения человечества.

Доклад Айера — не только воспоминания о важнейших вехах пути, пройденного логическим эмпиризмом. Он содержит в себе некоторые программные идеи, развивать которые у философа уже не оставалось жизненного времени. Подчеркну: Айер не считал задачу аналитической теории познания выполненной и не был разочарован в основных подходах к ее решению, намеченных в своих ранних работах. Возьмем проблему «эмпирического базиса», на котором возводятся рациональные конструкции из суждений. Известно, что возражениями против независимости наблюдений от теоретических предпосылок обосновывается большинство антиэм-

пирицистских концепций. Любое наблюдение, если оно осмысленно, предполагает нечто большее, чем «содержание единичного акта восприятия»; например, это предположение о том, что предмет наблюдения «устойчив» и не меняется в течение единичного акта восприятия (что из самого акта никак не вытекает), и о том, что наблюдаемое мною доступно наблюдению других наблюдателей (иначе нет уверенности в том, что происходит именно наблюдение, а не, скажем, галлюцинация), и о том, что наблюдаемое не возникает именно потому, что я его наблюдаю, то есть не зависит от моего наблюдения (имеется в виду, конечно, наблюдение в пределах обычного опыта), и многое другое, без чего нет и осмысленного акта наблюдения. Все это, считает Айер, не противоречит эмпиризму, а только ставит перед ним более сложные задачи, чем это предполагается в его простеньких, «наивных» версиях.

Предпосылки осмысленного наблюдения, согласно гипотезе Айера, не включаются в структуру наличного чувственного опыта, но это не означает, будто они вообще не имеют эмпирического происхождения. На самом деле они являются выводами, которые хотя в каждом отдельном акте наблюдения не осознаны, тем не менее могут быть эксплицированы именно как выводы, то есть представлены в явной логической форме и, кроме того, могут быть указаны эмпирические основания этих выводов.

Каковы же эти основания? В британской философской традиции разрабатывалась стратегия (от Г. Мура до

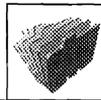
П. Стросона), основанная на предположении, что базис эмпирии образуют так называемые наблюдательные суждения «здравого смысла» (не требующие для своего принятия никаких предпосылок). Это предположение, имеющее некоторую методологическую привлекательность (оно обрывает regressus ad infinitum в поисках «последней основы опыта»), вместе с тем проблематично, ибо оставляет неясным само понятие «здравого смысла»: идет ли речь о «несомненности» некоторых исходных перцепций или о том, что эти перцепции *принимаются* за несомненные? В любом случае сомнительна сама «несомненность», а следовательно, «эмпирический базис» знания полагается переменным, что наводит на мысль о его конвенциональности (к подобному выводу пришел К. Поппер). Кроме того, неясно, какой язык может быть признан адекватным суждениям «здравого смысла»? Язык, термины которого описывают феномены восприятий (к этому склонялся Айер в 30-40-е гг.), или язык, построенный в уверенности, что наблюдаемые феномены соотносятся с «денотатами» этих феноменов, составляющими «физическую реальность» (точка зрения «научного реализма», которую можно согласовать и с «физикализмом» Р. Карнапа)?

Айер предложил наполнить понятие «здравого смысла» содержанием, «нейтральным» по отношению к спору феноменалистов и физикалистов. Для этого следовало «прибегнуть к хитрости» и допустить, что «эмпирический базис познания» яв-

ляет собой нечто «первичное» по отношению к «субъекту познания». В самом деле, чтобы построить понятие «субъекта», нужно иметь «строительный материал» — вот этим материалом Айер и называет qualia, «чувственные качества», или универсальные «парадигмы восприятия», универсальные в том смысле, что они не зависят от индивидуального опыта, а напротив, предшествуют ему и делают его возможным.

Парадигмальность восприятий — идея, которая как бы перекидывает мост между *эмпиризмом* и *априоризмом*, выявляет их, на первый взгляд парадоксальную, общность. В самом деле, архипоследовательный эмпиризм (скажем, в форме наивного сенсуализма) ведет, как это было продемонстрировано еще Дж. Беркли, к солипсизму, увернуться от которого можно только за счет сверхэмпирических допущений. Последовательный априоризм роет непроходимую пропасть между «реальностью самой по себе» и «реальностью для нас». А что, если попытаться связать эмпиризм и априоризм в единой гносеологической концепции, как это делает в своих последних работах Айер?

Возражения против этой попытки прямо-таки напрашиваются. Но лучше, я думаю, не спешить с критикой. На размышления наводит то обстоятельство, что идея парадигм восприятия привлекала к себе критиков неопозитивизма и рассматривалась ими как важнейший аргумент против последнего. Напомню, что одна из первых крупных работ П.Фейерабенда, принесшая ему известность,

так и называлась «Как быть хорошим эмпиристом?», и в ней выдвигались идеи, в чем-то перекликающиеся с теми, о которых размышляет в своем докладе Айер². Различие в том, что для Айера парадигмальность — это фундаментальная характеристика познавательных способностей, тогда как для Фейерабенда — это производная от принимаемого концептуального каркаса. Но это и есть различие между неопозитивистской и постпозитивистской трактовкой познания. Сходство же, позволяющее говорить об определенной взаимосвязи и даже преемственности идей, состоит в том, что стремление быть «хорошими эмпиристами» постоянно выводило и позитивистов, и постпозитивистов на такие решения эпистемологических проблем, которые предполагают зависимость верификационных процедур от не-верифицируемых, но допущенных в качестве оснований верификации предпосылок. Так поиск беспредпосылочного «эмпирического базиса» знания приводит к предпосылкам самого поиска. В этом круге и вращаются современные теории познания, сохранившие приверженность эмпиризму, какой бы смысл ни придавать этому важнейшему термину.

Напомню и о том, что еще в 1968 г. Айер в своей книге «Истоки прагматизма. Очерки по философии Чарльза Сандерса Пирса и Уильяма Джеймса» сочувственно оценивал

критические замечания Пирса в адрес крайнего индуктивизма, фактически поддерживал идею о «теоретической нагруженности» языка наблюдений, о том, что возможность заблуждения кроется уже в самом концептуально обусловленном отборе эмпирических фактов. С другой стороны, Айер поддерживал и опасения Пирса перед релятивизацией научного знания, неизбежно следующей за признанием полной зависимости «эмпирического базиса» от выбора «понятийных каркасов» (frameworks) и методологических канонов³. Это позволяет заключить, что «защита эмпиризма» для Айера означала не столько упорство в отстаивании «догм», развенчанных еще в 1951 г. У. Куайном, сколько поиск новых, иногда компромиссных, аргументов, а также умение прислушиваться к критическим замечаниям тех, кто, отталкиваясь от «логического эмпиризма», шел к иным, в целом неприемлемым для Айера концепциям философии науки.

Отметим, что свой доклад Айер завершает постановкой проблемы intersubjectivity опыта, а не претендует на ее окончательное решение. В этом еще одно проявление его научной честности, которая может служить добрым примером. В этом и уверенность, что эпистемологическая перспектива эмпиризма не исчерпана и остается открытой в будущее.

² Feyerabend P. How to be a Good Empiricist // The Delaware seminar in Philosophy of Science, vol. II. New York, 1963.

³ См.: Ayer A. The origins of pragmatism. Studies in the philosophy of Charles Sanders Peirce and William James. L., 1968. P. 89; см. также: Попус В. Н. Рациональность, наука, культура. М., 2002. С. 255.